

Научная статья

УДК 347.19

DOI:10.17323/2072-8166.2022.2.128.163

Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно- правовые формы и критерии их разграничения

Олег Валентинович Гутников

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва 117218, Большая Черемушкинская, 34, oleg_gutnikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4596-5669>

Аннотация

В статье рассматривается проблематика доктринального и нормативного деления юридических лиц на различные виды в российском гражданском праве. Ставится вопрос о необходимости и научной обоснованности нынешней классификации юридических лиц и критериев их разграничения. Анализируются предложения о системе юридических лиц в Концепции развития гражданского законодательства и их реализации в действующем корпоративном праве России. Исследуются различные классификации юридических лиц, в том числе деление юридических лиц на объединения лиц и объединения капиталов, публичные и непубличные общества, корпоративные и унитарные, коммерческие и некоммерческие организации и др. Делается вывод о несовершенстве и условности данных классификаций. Предлагается отказаться от жесткого нормативного деления организационно-правовых форм юридических лиц по виду прав участников (вещные или корпоративные права); по виду деятельности (коммерческие и некоммерческие организации); по наличию корпоративных прав участия (корпоративные и унитарные). Вместо этого следует использовать функциональный подход и применять те или иные режимы к разным юридическим лицам в зависимости от фактического наличия соответствующих признаков; при этом целесообразно сохранение деления организационно-правовых форм на коммерческие или некоммерческие по признаку наличия или отсутствия права организации распределять доходы в пользу участников. Рассматриваются возможные подходы к делению юридических лиц по организационно-правовым формам с позиций основных теорий юридического лица (теории фикции, теории реальности, договорной теории). Делается вывод, что неза-

висимо от используемых теорий такое деление должно быть обусловлено утилитарными соображениями исходя из практических потребностей и удобства для участников гражданского оборота. Дается авторское определение организационно-правовой формы юридического лица и набор основных гражданско-правовых параметров, по которым должны определяться ее конститутивные признаки, исходя из которых предлагается перечень отдельных организационно-правовых форм коммерческих и некоммерческих организаций. Обосновывается необходимость сохранения деления всех юридических лиц на организационно-правовые формы по принципу *numerus clausus*.

Ключевые слова

корпоративное право; критерии разграничения; функциональный подход; теории юридического лица; корпоративные и унитарные юридические лица; коммерческие и некоммерческие организации.

Для цитирования: Гутников О.В. Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 2. С. 128–163. DOI:10.17323/2072-8166.2022.2.128.163.

Research article

Classification of Legal Entities in Modern Corporate Law: Organizational Forms and Criteria for their Differentiation

Oleg V. Gutnikov

Institute of Legislation and Comparative Law under Government of Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow 117218 Russia, oleg_gutnikov@mai.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4596-5669>

Abstract

The article examines the problems of the doctrinal and normative division of legal entities in Russian civil law into various types. The question is raised about the necessity and scientific validity of the existing classification of legal entities and the criteria for their differentiation. The analysis of proposals on the system of legal entities in the Concept for the development of civil legislation and their implementation in the current corporate law of Russia is carried out. Various classifications of legal entities are investigated, including the division of legal entities into associations of persons and associations of capital, public and non-public companies, corporate and unitary, commercial and non-commercial organizations, etc. It is concluded that these classifications are imperfect and unclear. It is proposed to abandon the rigid normative division of organizational forms of legal entities by the type of rights of participants (property or corporate rights); by type of activity (commercial and non-commercial organizations); by the presence of corporate rights of participation (corporate and unitary). Instead, one should use a functional approach and apply certain regimes to

different legal entities, depending on the actual presence of the relevant features. At the same time, it is advisable to preserve the division of organizational forms into commercial or non-commercial on the basis of the presence or absence of the organization's right to distribute the received income in favor of the participants. Possible approaches to the division of legal entities according to organizational forms are considered from the standpoint of the main theories of a legal entity (theory of fiction, theory of reality, contract theory). It is concluded that, regardless of the theories used, such a division should be due to utilitarian considerations based on practical needs and convenience for participants in civil turnover. The author's definition of the organizational form of a legal entity and a set of basic civil legal parameters are given, according to which its constitutive characteristics should be determined, based on which a list of individual organizational and legal forms of commercial and non-commercial organizations is proposed. The necessity of preserving the division of all legal entities into organizational forms according to the principle of *numerus clausus* is substantiated.

Keywords

corporate law; organizational form of a legal entity; delimitation criteria; functional approach; legal entity theory; corporate and unitary legal entities; commercial and non-commercial organizations; types of rights of participants in legal entities.

For citation: Gutnikov O.V. (2022) Classification of legal entities in modern corporate law: organizational forms and criteria for their differentiation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 2, pp. 128–163 (in Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2022.2.128.163.

Введение

Вопросы классификации юридических лиц давно являются предметом пристального научного внимания и внимания законодателя. При этом классификации носят как доктринальный, так и нормативный характер [Козлова Н.В., 2003: 200–289]. Некоторые доктринальные воззрения со временем переносятся в законодательство, а в науке идут споры, насколько это оправданно [Степанов Д.И., 2014: 32]. Так, известная в науке классификация юридических лиц на корпорации и учреждения, корпоративные организации и унитарные организации в 2014 году была перенесена в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК)¹.

В то же время обоснованность нормативного деления юридических лиц на виды и критерии их разграничения до сих пор вызывают сомнения и не слишком изучены в специальных исследованиях. Юридическая литература в сфере корпоративного права ограничивается лишь перечислением видов

¹ См.: Федеральный закон от 5.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

юридических лиц в гражданском праве и критериев их классификации (как доктринальных, так и нормативных), и носит преимущественно описательный характер, не пытаясь вникнуть в существо вопроса: насколько эта классификация оправдана и не следует ли в политико-правовом плане ее модифицировать или вовсе от нее отказаться. Лишь в редких работах содержатся попытки осмыслить целесообразность деления юридических лиц на те или иные виды и сделать политико-правовые предложения на этот счет [Филиппова С.Ю., Шиткина И.С., 2019].

Поэтому в настоящее время вопрос о классификации юридических лиц в российском гражданском праве, ее необходимости и научной обоснованности используемых критериев требует специального рассмотрения.

1. Развитие системы юридических лиц в постсоветском гражданском праве

В отечественном праве в постсоветский период становления рыночной экономики законодатель начал активно восполнять пробелы в правовом регулировании юридических лиц, обогащая их палитру все новыми видами, неизвестными или забытыми в период государственной экономики, когда в условиях господства государственной и коллективной собственности немногочисленными видами организаций были государственные предприятия и учреждения, колхозы и совхозы, потребительские кооперативы, добровольные общества, профсоюзы, религиозные организации и КПСС. При конструировании новых видов юридических лиц современной России источником вдохновения нормотворцев стали не только забытые образцы российского дореволюционного и советского периодов (от проекта Гражданского уложения Российской империи до ГК РСФСР 1922 года), но и современные развитые правовые порядки с рыночной экономикой, прежде всего, англосаксонского и германского типов, которые, имея мало общего между собой, тем не менее самым причудливым образом смогли «ужиться» в нормах российских законов. Соревнуясь между собой в креативности и творя новое корпоративное право, авторы различных законопроектов не ограничивали себя в свободе творчества, создав в результате весьма пестрый законодательный ландшафт с системой юридических лиц, которая изначально не имела под собой продуманной и научно обоснованной концепции [Ломакин Д.В., 2019: 142–147].

В результате множество законов и подзаконных актов, огромное количество видов юридических лиц и, прежде всего, их организационно-правовых форм с каждым годом все больше создавали ощущение хаоса в правовом регулировании, что отрицательно сказывалось на стабильности гражданского

оборота и привлекательности отечественной экономики для инвесторов. Наиболее серьезная попытка упорядочить всю эту систему была предпринята в 1994 году с принятием Части первой ГК, который в Главе 4 содержит наиболее полное описание видов юридических лиц и их признаков. Однако и новый ГК имел очевидные недостатки, поскольку признаки видов юридических лиц оставались во многом «размытыми», а сами виды некоммерческих, например, организаций, могли «конструироваться» не только в ГК, но и в иных специальных законах. В связи с этим уже тогда выдвигались предложения сократить количество организационно-правовых форм юридических лиц, а исчерпывающий их перечень установить непосредственно в ГК. В связи с этим В.А. Рахмилович, например, отмечал, что в ГК «была допущена некоторая, можно сказать, неосторожность: если для коммерческих организаций полный перечень этих форм (конструкций) содержит ГК РФ, то для некоммерческих новые организационно-правовые формы, новые конструкции некоммерческих организаций, согласно п. 3 ст. 50 ГК могут создаваться и другими законами... В этих условиях излишне либеральное предоставление возможности изобретать новые, не предусмотренные ГК — гражданско-правовые конструкции — организационно-правовые формы юридических лиц — в отдельных, находящихся вне ГК законах, приводит на практике к абсурдным решениям, позволяющим обойти заложенные в ГК принципы... Имея в виду все сказанное выше, представляется полезным... убрать из ГК положения, допускающие создание новых конструкций юридических лиц другими законами, находящимся вне ГК, не инкорпорированными в него» [Рахмилович В.А., 1997: 55–56].

В то же время оценить абсурдность тех или иных решений в сфере классификации юридических лиц было затруднительно, ибо сами эти классификации, равно как и понятие организационно-правовой формы юридического лица, до сих пор не отличаются правовой определенностью и носят в значительной степени условный характер. Тем не менее, идеи оптимизации видов юридических лиц и сокращения количества их организационно-правовых форм легли в основу Концепции развития гражданского законодательства (одобрена Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства)², а впоследствии — внесены в ГК³.

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М., 2009. С. 66–69.

³ См.: Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

Так, в части видов некоммерческих организаций в Концепции предлагалось создавать их только в пяти формах: трех корпоративных, к которым относятся потребительские кооперативы, общественные организации, ассоциации и союзы, и двух унитарных, к которым относятся фонды и учреждения⁴. Данный перечень предлагалось рассматривать для некоммерческих организаций как исчерпывающий [Суханов Е.А., 2010: 5–12]. Иные виды НКО, в том числе государственная корпорация⁵ и др. подлежали исключению из законодательства [Аюшеева И.З., 2016: 67–80]. Стоит отметить, что в настоящее время некоторые исследователи предлагают еще более радикальное сокращение видов организационно-правовых форм НКО. Например, Т.В. Соифер, основываясь на опыте Голландии, Франции и Польши, полагает, что «более логичным было бы установление для некоммерческих организаций всего двух возможных организационно-правовых форм: одной для корпоративных юридических лиц, другой — для унитарных» [Соифер Т.В., 2015: 177–178].

В отношении коммерческих организаций в Концепции предлагалось «без ущерба для дела»⁶ упразднить конструкции закрытого акционерного общества, народного предприятия, унитарного предприятия⁷.

Предлагалось также все существенные юридические признаки отдельных разновидностей организационно-правовых форм исчерпывающим образом сформулировать в ГК, не оставляя места для свободного творчества законодателя в специальных законах и не допуская появления новых, не предусмотренных ГК разновидностей юридических лиц, таких, например, как народные предприятия (акционерные общества работников)⁸. Так, в п. 4.1.2 раздела III Концепции подчеркивалось, что «именно ГК должен закреплять все основные критерии, характеризующие виды хозяйственных обществ, что позволит избежать принятия законов, устанавливающих особенности правового статуса новых, нередко сомнительных модификаций хозяйственных обществ...». Аналогичным образом в отношении некоммерческих ор-

⁴ См.: п. 7.1.4 раздела III Концепции.

⁵ См.: п. 7.3.1, 7.3.3 раздела III Концепции.

⁶ См.: п. 9 Введения к Концепции.

⁷ В Концепции говорилось о бесперспективности унитарного предприятия как организационно-правовой формы юридического лица и желательности ее постепенной замены другими видами коммерческих организаций, в том числе хозяйственными обществами со 100%-ым или иным решающим участием публично-правовых образований в их имуществе. Допускалось лишь сохранение в перспективе федеральных казенных предприятий для некоторых особо важных сфер экономики (п. 6.3 раздела III Концепции).

⁸ См.: Федеральный закон от 19.07.1998 № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3611.

ганизаций в п. 7.1.5 раздела III Концепции говорилось: «В ГК следует исчерпывающим образом урегулировать гражданско-правовые конструкции... форм некоммерческих организаций (порядок создания, структуру и полномочия органов, права и обязанности их членов или участников), что позволит устранить повторы и противоречия в законодательстве».

Идеи Концепции были воплощены в жизнь в 2014 году с принятием соответствующих изменений ГК. Так, все юридические лица были разделены на корпоративные и унитарные, а хозяйственные общества в дополнение к этому были разделены публичные (публичные акционерные общества) и непубличные (общества с ограниченной ответственностью и непубличные акционерные общества).

В то же время далеко не все предложения Концепции были в полной мере реализованы. Количество организационно-правовых форм в ГК не только не сократилось, но и наоборот, увеличилось, так как в текст кодекса были включены отсутствовавшие в нем ранее юридические лица, предусмотренные в специальных законах (например, адвокатские и нотариальные палаты). Также не была реализована идея Концепции установить в ГК основные признаки всех организационно-правовых форм. В частности, ГК в п. 7 ст. 66 прямо допускает установление в специальных законах особенностей правового положения многих разновидностей хозяйственных обществ⁹. Зачастую данные «особенности» фактически представляют собой конструирование абсолютно новой, не предусмотренной ГК организационно-правовой формы юридического лица (например — специализированных финансовых обществ, специализированных обществ проектного финансирования¹⁰), либо — разновидность иной организационно-правовой формы, предусмотренной ГК (например, акционерные общества работников — народные предприятия, имеющие сходство с производственным кооперативом) [Ломакин Д.В., 2020: 108, 112]. Также складывается полностью противоречащая идеям Концепции практика принятия отдельных законов, в которых устанавливаются не «особенности» известной ГК организационно-правовой формы, а полностью регулируются все ее признаки, сводя роль ГК лишь к

⁹ В п. 7 ст. 66 ГК упоминается возможность установления в специальных законах особенностей правового положения кредитных организаций, страховых организаций, клиринговых организаций, специализированных финансовых обществ, специализированных обществ проектного финансирования, профессиональных участников рынка ценных бумаг, акционерных инвестиционных фондов, управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, негосударственных пенсионных фондов и иных некредитных финансовых организаций, акционерных обществ работников (народных предприятий).

¹⁰ См.: п. 7 ст. 66 ГК, гл. 3.1 разд. II Федерального закона от 22.04.1996 «О рынке ценных бумаг» (в ред. Федерального закона от 21.12.2013 № 379-ФЗ).

простому упоминанию названия этой формы (например, хозяйственные партнерства, правовой статус которых полностью регулируется специальным законом¹¹). Аналогичная ситуация складывается с публично-правовыми компаниями¹².

2. Классификации юридических лиц в настоящее время: общие подходы

В результате реформы в настоящее время в ГК закреплено несколько классификаций юридических лиц [Хабриева Т.Я., 2014: 5–16]. Сохраняется и доктринальное деление юридических лиц на «объединения лиц» и «объединения капиталов» в зависимости от степени лично-доверительного характера отношений в организациях, которая убывает в организационно-правовых формах, где функция управления максимально отделена от функции собственности, а компанией управляют наемные менеджеры. Фактически это деление влияет на метод правового регулирования корпоративных отношений в таких юридических лицах: в объединениях лиц проявляются максимальная диспозитивность и свобода договора, в объединениях капитала — императивное регулирование.

Близким по своему значению является и закрепленное в законодательстве выделение типов хозяйственных обществ: публичные (публичные акционерные общества) и непубличные (общества с ограниченной ответственностью и непубличные акционерные общества). Это деление основано на таком признаке, как возможность публичного размещения или обращения акций на рынке среди неопределенного круга лиц (п. 1 ст. 66.3 ГК РФ). Фактически данное деление близко к делению юридических лиц на объединения лиц и объединения капиталов, так как тесно связано со степенью лично-доверительного элемента в отношениях между участниками и имеет значение с точки зрения метода правового регулирования: максимальная свобода для непубличных обществ (п. 3 ст. 66.3 ГК), и минимальная — для публичных.

В то же время деление юридических лиц на «объединения лиц» и «объединения капиталов», публичные и непубличные хозяйственные общества во многих аспектах носит условный характер. Так, в публичных акционерных обществах могут иметь место тесные личные отношения участников. Некоторые исследователи считают возможным в ряде случаев применять

¹¹ См.: Федеральный закон от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // СЗ РФ. 2011. № 49 (часть V). Ст. 7058.

¹² См.: Федеральный закон от 03.07.2016 № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4169.

к публичным обществам нормы, рассчитанные на непубличные общества (например, нормы об исключении участника), если структура корпоративных отношений в них де-факто носит лично-доверительный характер (например, на рынке обращается относительно небольшое количество акций, а основные пакеты принадлежат тесно связанным друг с другом акционерам). Отмечается, что в подобной ситуации акционерное общество, которое «фактически принадлежит нескольким акционерам, связанным личными доверительными отношениями, при практически полном отсутствии свободного обращения акций, по сути, ничем не отличается от ООО с точки зрения фидуциарных отношений между участниками» [Шайдуллин А.И., 2021: 332]. Стираются различия между АО и ООО и в силу дематериализации бездокументарных акций как ценных бумаг, которые по своей природе и механизму обращения по сути становятся тождественными долям в ООО [Тарасенко Ю.А., 2007: 41–46].

Таким образом, наблюдается известная условность деления хозяйственных обществ на объединения лиц и объединения капиталов, публичные и непубличные общества, сопряженное со строгой привязкой к ним определенных правовых режимов.

Что касается нормативного деления юридических лиц, то в ГК определены следующие их основные виды:

юридические лица, на имущество которых их учредители имеют вещные права, и юридические лица, в отношении которых их участники имеют корпоративные права (п. 3 ст. 48 ГК);

коммерческие и некоммерческие организации (п. 1 ст. 50 ГК);

корпоративные и унитарные юридические лица (ст. 65.1 ГК);

юридические лица различных организационно-правовых форм (п. 2 и 3 ст. 50 ГК).

В то же время нормативное деление юридических лиц на виды по указанным выше группам условно и непоследовательно. Во-первых, классификация юридических лиц в ГК продолжает оставаться незавершенной. Так, в ГК имеется раздел «Общие положения о хозяйственных обществах и товариществах», но отсутствуют общие положения о коммерческих корпоративных организациях. В результате в отношении значительного числа коммерческих корпораций (производственных кооперативов, хозяйственных партнерств и др.) сохраняется исключительно специальное регулирование, хотя очевидно, что любые коммерческие корпорации имеют много общего и нуждаются в универсальных нормах. Отсутствуют в ГК РФ и общие нормы об унитарных организациях.

Во-вторых, законодательство, провозглашая деление юридических лиц на организационно-правовые формы, виды и типы (п. 4 ст. 49 ГК), совер-

шенно не дает определений соответствующих понятий. В связи с этим в правоприменительной практике происходит путаница — что есть «организационно-правовая форма» юридического лица, что — его «вид», а что — «тип». В результате периодически возникают ситуации, когда тот или иной тип юридического лица (например, публичное акционерное общество) ошибочно называют его видом или организационно-правовой формой. Кроме того, с точки зрения классификации юридических лиц на организационно-правовые формы, виды и типы непонятно, к чему (виду или типу) относятся названные в ГК РФ отдельные «разновидности» хозяйственных обществ, такие как акционерные общества работников (народные предприятия), специализированные общества проектного финансирования, акционерные инвестиционные фонды и др. (п. 7 ст. 66 ГК).

В-третьих — и это особенно важно, — приведенные классификации с присущими им критериями деления одновременно выступают отличительными признаками для классификации юридических лиц по организационно-правовым формам. Например, отнесение юридических лиц к корпоративным или унитарным, коммерческим или некоммерческим фактически является одним из критериев деления юридических лиц на виды по организационно-правовым формам, в связи с чем сами организационно-правовые формы классифицируются на группы «коммерческих» и «некоммерческих», «корпоративных» и «унитарных» юридических лиц (п. 2 и 3 ст. 50, п. 1 ст. 65. 1 ГК). Поэтому типичной является ситуация, когда при описании конститутивных признаков той или иной организационно-правовой формы ГК использует указанные критерии из другой классификации, например, организационно-правовая форма учреждения или фонда¹³ характеризуется как «унитарная некоммерческая организация» (п. 1 ст. 123.21, п. 1 ст. 123.17 ГК). Характер прав учредителей в отношении юридического лица и его имущества (п. 3 ст. 48 ГК) также, по существу, является одним из критериев, характеризующих организационно-правовую форму юридического лица (унитарные предприятия, основанные на вещном праве учредителя на имущество предприятия).

Поэтому для понимания существа деления юридических лиц по организационно-правовым формам и критериев их разграничения следует рассматривать и давать оценку не только специфическим признакам той или иной организационно-правовой формы, но и всему комплексу критериев деления

¹³ С появлением в законодательстве личных фондов единая организационно-правовая форма фонда с 1 марта 2021 г. преобразуется в две разновидности: общественно полезный фонд и личный фонд (См.: Федеральный закон от 01.07.2021 № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 2021. № 27 (Часть I). Ст. 5115).

юридических лиц на виды. В то же время сами эти критерии не всегда четко выдерживаются и являются дискуссионными (можно встретить «унитарные» юридические лица с элементами корпоративной структуры, например, государственные академии наук, являющиеся, с одной стороны, государственными учреждениями, а с другой стороны, имеющие членство и общее собрание членов¹⁴).

3. Деление юридических лиц по характеру прав учредителей в отношении юридического лица и его имущества

Ранее¹⁵ данная классификация проводилась в зависимости от наличия и вида имущественных прав, возникающих у учредителей (участников) юридических лиц в связи участием в образовании имущества юридического лица. Соответственно, выделялись три разновидности юридических лиц: на имущество которых учредители имели обязательственные (1) или вещные (2) права, либо вовсе не имели имущественных прав (3).

В 2014 году это деление было изменено. В соответствии с п. 3 ст. 48 ГК в настоящее время все юридические лица делятся на два вида: юридические лица, на имущество которых их учредители имеют вещные права (1), и юридические лица, в отношении которых их участники имеют корпоративные права (2). В зависимости от одного из указанных признаков распределены и организационно-правовые формы юридических лиц: к юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют вещные права¹⁶, относятся государственные и муниципальные унитарные предприятия, а также учреждения, а к юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют корпоративные права, относятся корпоративные организации.

Однако в отличие от прежней редакции статьи 48 ГК, в данной классификации нарушено единство основания деления: наличие вещных прав на имущество юридического лица, с одной стороны, и наличие корпоратив-

¹⁴ См.: ст. 6 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. Федерального закона от 27.09.2013 г. № 253-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 39. Ст. 4883.

¹⁵ До 1 сентября 2014 г., когда вступили в силу изменения главы 4 ГК о юридических лицах, принятые Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ.

¹⁶ В данном случае под вещными правами следует понимать исключительно право собственности учредителей на имущество соответствующих юридических лиц, поскольку никаких иных вещных прав на имущество созданных предприятий или учреждений учредители не имеют. Сами же юридические лица указанных организационно-правовых форм имеют «иные» вещные права хозяйственного ведения или оперативного управления на закрепленное за ними имущество, находящееся в собственности учредителей.

ных прав в отношении юридического лица, с другой, в принципе являются совершенно разными и не взаимоисключающими критериями, учитывая, что корпоративные права с точки зрения закона не классифицированы как имущественные или неимущественные. Поэтому теоретически возможно «пересечение» данных критериев в одном юридическом лице «специфической» организационно-правовой формы, имущество которого находится в собственности нескольких соучредителей¹⁷, обладающих в отношении этого юридического лица корпоративными правами. Возможно также, чтобы корпоративными правами в организации с правом собственности учредителя на ее имущество обладали иные лица, не являющиеся учредителями, как это, например, фактически имеет место в государственных академиях наук, имущество которых находится в собственности Российской Федерации, а члены академии обладают корпоративными управленческими правами, участвуя в общем собрании.

Помимо этого, целый ряд существующих организационно-правовых форм оказался вовсе не охваченным новой классификацией. Например, унитарные организации, в отношении которых учредители не имеют ни вещных, ни корпоративных прав (фонд, религиозная организация, автономная некоммерческая организация, государственная корпорация, публично-правовая компания). Очевидно, что такие организационно-правовые формы должны быть обозначены в рассматриваемой классификации как «юридические лица, в отношении которых их учредители не имеют никаких прав». Однако такой подход не соответствовал бы действительности, так как и в автономной некоммерческой организации и в публично-правовой компании, и даже в фонде учредители все же имеют в той или иной мере определенные права в отношении созданных ими юридических лиц.

В связи с этим нынешняя классификация юридических лиц в зависимости от вида прав, которыми наделены их учредители (участники) в отношении организации или ее имущества, является неполной и неточной. Вряд ли целесообразно ее сохранение в законе в ее нынешнем виде. Более того, в принципе спорным является прямое закрепление в законе какой-либо общей классификации организационно-правовых форм в зависимости от характера прав учредителей (участников) даже при соблюдении единства основания деления.

В то же время характер прав учредителей (участников) в отношении юридического лица и его имущества, безусловно, должен учитываться в качестве одного из существенных критериев деления юридических лиц именно в кон-

¹⁷ В п. 3 ст. 48 ГК РФ буквально говорится об «учредителях», которые имеют вещные права на имущество юридических лиц, а не об «учредителе», что позволяет делать вывод о принципиальной возможности юридических лиц с несколькими учредителями, обладающими вещными правами на имущество создаваемых ими организаций.

кретных организационно-правовых формах. Так, возможна дифференциация организационно-правовых форм в зависимости от наличия и характера имущественных прав учредителей (участников) юридического лица: вещные права; иные имущественные права (наличие права на участие в распределении дохода (прибыли) от деятельности юридического лица, право на ликвидационный остаток и т.д.); отсутствие имущественных прав.

Что касается деления юридических лиц в зависимости от наличия корпоративных прав, то это деление по существу относится к классификации организационно-правовых форм на корпоративные и унитарные, о чем будет сказано ниже.

4. Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации

Еще одной классификацией, закрепленной в ГК, является деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие. Это деление основано на двух признаках: является ли извлечение прибыли основной целью деятельности организации (1); распределяет ли организация полученную прибыль между участниками (2). Организации, у которых оба эти признака одновременно отсутствуют, являются некоммерческими. Коммерческими же признаются организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (п. 1 ст. 50 ГК РФ).

Данная классификация тоже имеет очевидные недостатки. Во-первых, отнесение организации к некоммерческой производится при одновременном отсутствии сразу двух признаков, а к коммерческой — при наличии лишь одного из них. При таком подходе сразу встает вопрос: будет ли считаться коммерческой организация, вся основная деятельность которой направлена на извлечение прибыли, но эта прибыль не распределяется между участниками, а направляется, например, на благотворительные или иные общественно полезные цели. Формально с точки зрения п. 1 ст. 50 ГК такая организация должна признаваться коммерческой, однако по существу вряд ли можно считать таковой организацию, прибыль которой направляется на альтруистические цели и не распределяется между участниками.

Во-вторых, закон, говоря об отсутствии распределения прибыли между участниками некоммерческой организации, фактически исходит из того, что коммерческая и некоммерческая организации могут быть только корпоративными, совершенно упуская из виду возможность существования унитарных организаций.

В-третьих, в п. 1 ст. 50 ГК в отношении некоммерческих организаций используется термин «прибыль», хотя в других нормах (п. 4 ст. 5) ГК оперирует

понятием «доход», т.к. некоммерческие организации осуществляют «приносящую доход» (а не прибыль) деятельность. В связи с этим встает вопрос: а будет ли организация некоммерческой, если она будет распределять между участниками не прибыль, а доход от приносящей доход деятельности?

Наконец, в-четвертых, закон по-прежнему косвенно допускает, что целью деятельности некоммерческой организации (пусть и не основной, а вспомогательной) может быть извлечение прибыли, что, как известно, является основным признаком предпринимательской деятельности (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК).

При этом в п. 4 ст. 50 ГК РФ говорится уже не о предпринимательской, а о «приносящей доход» деятельности некоммерческих организаций, которую они вправе осуществлять, если это предусмотрено их уставами, и «лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям». В Концепции развития гражданского законодательства (п. 1.4 раздела III) такое ограничение целей осуществления приносящей доход деятельности некоммерческих организаций провозглашалось как едва ли не наиболее значимый их признак и основная причина сохранения деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие. Однако ограничение права осуществления предпринимательской (или «приносящей доход») деятельности некоммерческих организаций видами, названными в уставе и соответствующими уставным целям, по существу мало что меняет, т.к. в устав некоммерческой организации нетрудно включить любые виды предпринимательской (или приносящей доход) деятельности, а «целевой» барьер слишком размыт и не отличается определенностью.

Так, В.А. Рахмилович по этому поводу писал: «Когда извлечение прибыли является основной целью организации, а когда — побочной, в жизни определить бывает довольно трудно; одна цель может специально прикрывать другую, поэтому данный признак остается малопригодным для отграничения некоммерческих организаций от коммерческих. С другой стороны, неясно, что может означать разрешение «осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых организация создана, и соответствующую этим целям». Речь здесь, по-видимому, должна идти просто об ограничении свободы распоряжаться полученной прибылью и праве использовать ее только в соответствии с уставными целями некоммерческой организации. Таким образом, признаком, отличающим коммерческие организации от некоммерческих, по ГК, практически остается право первых распределять полученную прибыль между своими участниками и отсутствие такого права у вторых»¹⁸ [Рахмилович В.А., 1996: 121–123].

¹⁸ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / под ред. О.Н. Садикова. М., 2005 С. 155.

Следует признать, что распределение прибыли между участниками действительно является существенным признаком, отличающим в настоящее время коммерческие организации от некоммерческих, но с некоторыми оговорками.

Во-первых, речь должна идти именно о праве распределять прибыль, а не о фактическом ее распределении, о котором сегодня говорится в действующей редакции п. 1 ст. 50 ГК. Данное право может и не использоваться организацией, но это должно быть не важно с точки зрения выработки критерия для отнесения организации к «коммерческой» организационно-правовой форме. Коммерческие организации в принципе должны обладать именно правом распределять прибыль, а некоммерческие такого права должны быть лишены.

Во-вторых, право распределять прибыль или отсутствие такового как признак коммерческой или некоммерческой организации должно относиться не только к корпоративным, но и к унитарным юридическим лицам, т.е. при формулировании соответствующего критерия распределение прибыли должно касаться не только «участников», но и учредителей организации и (или) собственников ее имущества. Например, учредитель унитарного предприятия по действующему законодательству имеет право требовать получения части прибыли предприятия¹⁹, и именно в силу этого такое предприятие должно считаться коммерческой организацией.

Наконец, в-третьих, распределение прибыли все же остается весьма прозрачным критерием разграничения коммерческих и некоммерческих организаций, поскольку данные законодательные ограничения могут легко «обойтись» выплатой вознаграждений участникам или учредителям, работающим в НКО, в качестве оплаты труда, возмещения расходов и т.п. В связи с этим имеются серьезные причины в перспективе делить коммерческие или некоммерческие организации не в зависимости от права распределять прибыль, а в зависимости от фактического распределения прибыли (дохода) между участниками.

С учетом сказанного право распределять прибыль между участниками и (или) учредителями остается основным общим критерием деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, который может использоваться и как один из критериев при разграничении тех или иных организационно-правовых форм юридических лиц.

Относительно извлечения прибыли как основной или вспомогательной цели деятельности — этот критерий должен использоваться законодателем лишь в функциональном плане вне «привязки» к тем или иным организационно-правовым формам юридических лиц. С этой точки зрения не долж-

¹⁹ См.: ст. 17 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

но быть «коммерческих» или «некоммерческих» организационно-правовых форм, а должны быть юридические лица, осуществляющие или не осуществляющие предпринимательскую (приносящую доход) деятельность. Суть функционального подхода — в том, осуществляет ли фактически та или иная организация функцию коммерческой организации по ведению предпринимательской деятельности, или нет.

Такой подход может быть обоснован как догматическими, так и сугубо утилитарными и политико-правовыми соображениями. Он нацелен на приоритет содержания фактически складывающихся отношений над их формой и представляет собой отход от жесткой «юриспруденции понятий», сковывающей правовое регулирование ничем не оправданными и избыточными классификациями. Как отмечает Г.А. Гаджиев, «увлеченность многочисленными систематизациями полезна при составлении пропедевтических пособий и в процессе обучения студентов, но на практике они порой уведут сознание правоприменителей в дебри формалистики» [Гаджиев Г.А., 2017: 126]. Этот подход фактически применяется уже в отношении минимального имущества, гарантирующего интересы кредиторов юридического лица вне зависимости от названия (уставный фонд, уставный капитал, паевой фонд и т.д.) и способов формирования. Для любых юридических лиц, ведущих предпринимательскую (или приносящую доход) деятельность вопросы, связанные с обеспечением наличия у них такого имущества, должны регулироваться по общим правилам вне зависимости от того, в какой организационно-правовой форме они созданы. Исходя из этого, положения о минимальном размере имущества, гарантирующего интересы кредиторов, были внесены в ГК и для некоммерческих организаций, которые осуществляют приносящую доход деятельность (п. 5 ст. 50 ГК).

Применение функционального подхода при делении юридических лиц на коммерческие и некоммерческие в зависимости от осуществления предпринимательской (приносящей доход) деятельности имеет важнейшее практическое значение. В частности, к организациям, осуществляющим предпринимательскую деятельность вообще или в той или иной сфере законодательством могут предъявляться дополнительные требования, которые должны применяться к любым организациям, фактически осуществляющим соответствующую деятельность. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснение: к осуществляющим приносящую доход деятельность некоммерческим организациям в части такой деятельности применяются положения ГК о лицах, осуществляющих предпринимательскую деятельность²⁰.

²⁰ Абз. 3 п. 21 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Последовательное применение функционального подхода может привести к переоценке имеющихся видов организационно-правовых форм юридических лиц. В частности, появляются перспективы появления более общих, укрупненных видов организационно-правовых форм, конститутивные признаки которых основаны исключительно на внутреннем корпоративном устройстве юридических лиц, а не на том, осуществляют ли они фактически коммерческую деятельность. Лишь разновидности этих общих организационно-правовых форм будут зависеть от того, является ли организация коммерческой или нет. Например, можно ставить вопрос о появлении в законодательстве общей организационно-правовой формы товарищества, основным конститутивным признаком которого является отсутствие органов управления, ведение всех дел непосредственно участниками и субсидиарная ответственность товарищей по обязательствам юридического лица всем своим имуществом.

Вполне мыслимы не только коммерческие, но и некоммерческие товарищества, в которых участники (полные товарищи, комплементарии) объединяют имущество и личные усилия для какой-либо общественно полезной деятельности в качестве юридического лица, не создавая при этом органов управления и неся личную имущественную субсидиарную ответственность по обязательствам некоммерческого товарищества в гражданском обороте. При этом такое товарищество, как и любые некоммерческие организации, не лишено права вести «приносящую доход» деятельность, соответствующую некоммерческим целям деятельности товарищества, а полученные от этого доходы направлять на соответствующие цели или на благотворительность, не распределяя их между товарищами. Также не вызывает каких-либо принципиальных возражений конструкция коммандитного некоммерческого товарищества, в котором часть товарищей не осуществляет непосредственно некоммерческую деятельность и ведение дел товарищества, а ограничивается лишь имущественными вкладами в деятельность товарищества, поддерживая его исключительно материально.

Аналогичные соображения могут быть высказаны в отношении «общей» организационно-правовой формы кооператива, разновидностями которой могут рассматриваться производственные и потребительские кооперативы в зависимости от того, имеют ли они право распределять полученную прибыль (доход) между участниками или нет.

5. Деление юридических лиц на корпоративные и унитарные организации

Не отличается стройностью и классификация юридических лиц, подразделяющая их на корпоративные и унитарные [Козлова Н.В., 2003: 209–221].

В основе выделения корпоративных и унитарных юридических лиц является признак участия или членства: организации, основанные на членстве или участии, являются корпоративными, а организации, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают прав членства — унитарными. Помимо этого, признаком корпоративной организации называется наличие высшего органа управления — общего собрания, который состоит из участников (членов) (п. 1 ст. 65.1, п. 1 ст. 65.3 ГК). Однако этот критерий не всегда соблюдается. В некоторых корпорациях высший орган управления в виде общего собрания может и не создаваться. Например, отсутствует как таковой высший орган управления в виде общего собрания в хозяйственных товариществах (п. 1 ст. 67.1, п. 1 ст. 71 ГК), управлять хозяйственным партнерством можно в рамках исполнения соглашения об управлении партнерством без формирования общего собрания²¹. С другой стороны, общее собрание фактически может создаваться в некоторых унитарных организациях (например, ничто не препятствует автономной некоммерческой организации создать общее собрание учредителей (п. 1 и 2 ст. 123.25 ГК); в государственных академиях наук создается общее собрание членов при том, что академия является государственным бюджетным учреждением (ст. 6 Закона о науке²²).

Одним из конститутивных признаков корпоративной организации ГК отдельно провозглашает наличие у участников (членов) корпоративных (членских) прав и обязанностей в отношении созданного ими юридического лица (п. 2 ст. 65.1 ГК). В то же время вопрос о характере прав учредителей унитарных юридических лиц в отношении таких организаций остается открытым. Кроме того, ГК не определяет никаких общих положений об унитарных организациях, в отличие от корпоративных организаций, которым посвящены специальные статьи ГК (ст. 65.2 «Права и обязанности участников корпорации», 65.3 «Управление в корпорации»). Такое регулирование является непоследовательным и неполным.

Все организационно-правовые формы юридических лиц жестко распределены в ГК на корпоративные и унитарные по принципу закрытого перечня (*numerus clausus*)²³.

²¹ Ст. 6 Федерального закона от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах».

²² Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. Ст. 4137.

²³ В силу п. 1 ст. 65.1 ГК к корпоративным организациям относятся: хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), нотариальные палаты, товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Рос-

Однако ближайшее рассмотрение организационно-правовых форм показывает, что между корпоративными и унитарными организациями не такая уж большая разница, как кажется на первый взгляд. Основное различие сводится к тому, что в корпорациях полномочия собственника в экономическом смысле принадлежат нескольким субъектам, а в унитарных организациях — одному. Участники корпоративных организаций, соответственно, обладают в отношении корпораций «корпоративными управленческими правами», которые осуществляются «сообща» посредством участия в управлении с правом голоса на общем собрании (высшем органе корпоративной организации), а учредители унитарных организаций в отношении них обладают аналогичными по своему содержанию «унитарными управленческими правами»²⁴, которые осуществляются «единолично».

Анализ «управленческих» и тесно связанных с ними прав корпораций и унитарных организаций приводит к выводу, что их содержание в целом является идентичным. Так, согласно п. 1 ст. 65.2 ГК в состав корпоративных прав входят: право на участие в управлении делами организации, право на информацию о деятельности организации, право обжаловать решения органов организации, требовать возмещения причиненных корпорации убытков, оспаривать совершенные организацией сделки. Однако учредителю унитарной организации (унитарного предприятия или учреждения) принадлежат такие же «управленческие» права: он непосредственно и единолично назначает и освобождает от должности членов органов управления, утверждает устав, оспаривает сделки, может потребовать возмещения убытков, причиненных управляющими²⁵.

Учредители унитарной автономной некоммерческой организации (которых может быть и несколько²⁶) осуществляют управление деятельностью юридического лица в порядке, установленном уставом, создают коллегиальный орган управления, назначают единоличный исполнительный орган (ст. 123.25 ГК). При этом по аналогии с членскими правоотношениями учредители такой организации могут выйти из состава учредителей или быть принятыми в него. В религиозной организации учредители утверждают устав, а также вправе осуществлять функции органа управления (п. 2 и 3 ст. 123.27

сийской Федерации. В то же время, к унитарным организациям относятся: государственные и муниципальные унитарные предприятия, общественно полезные фонды, личные фонды, учреждения, автономные некоммерческие организации, религиозные организации, государственные корпорации, публично-правовые компании.

²⁴ Пусть и не названными в ГК как конститутивный признак унитарных организаций, как это сделано в отношении корпоративных прав корпоративных организаций.

²⁵ См.: п. 4 ст. 123.21 ГК, ст. 50.1, п. 1 ст. 53.1 ГК, ст. 20 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях».

²⁶ Несколько учредителей может быть и в других унитарных организациях, например, в фондах, религиозных организациях (п. 1 ст. 123.17, п. 1 ст. 123.24, п. 1 ст. 123.26 ГК).

ГК), требовать возмещения причиненных управляющими убытков. На единую природу корпоративных «управленческих» прав в корпорациях и в учреждениях уже обращалось внимание в литературе [Козлова Н.В., 2005: 121].

Таким образом, управленческие права в унитарных организациях фактически могут принадлежать, как и в корпорациях, нескольким лицам, отношения между которыми по существу аналогичны корпоративным. С другой стороны, в «классических» корпорациях может сложиться ситуация, когда в них остается лишь одно лицо («компания одного лица»), и тогда все «управленческие» полномочия будут принадлежать единственному участнику.

Условность деления юридических лиц на корпорации и унитарные организации подтверждается существованием различных «смешанных» или «пограничных» форм юридических лиц, в которых одновременно присутствуют признаки каждого из рассматриваемых видов организаций. Об отсутствии кардинальных различий между корпорациями и институтами писал Н.С. Суворов [Суворов Н.С., 2000: 156–160]. С.Н. Братусь указывал на возможность образований переходного типа между корпорациями и учреждениями, говоря, что «имеются учреждения с корпоративным устройством и корпорации, сближающиеся по своему устройству с учреждениями» [Братусь С.Н., 1947: 46]. В зарубежном праве в последнее время также распространены различные «переходные» формы юридических лиц между корпорациями и учреждениями [Суханов Е.А., 2014: 27].

В свете изложенного жесткое деление организационно-правовых форм юридических лиц на корпоративные и унитарные является неверным. Правильнее говорить о праве на управление любыми юридическими лицами (как имеющими членство, так и не имеющими такового), и формулировать общие положения о таких «управленческих» правах для всех видов юридических лиц. Деление юридических лиц на корпоративные и унитарные следовало бы проводить по признаку фактического количества субъектов права на управление юридическим лицом (один субъект — унитарные юридические лица, множество субъектов — корпоративные юридические лица). Что касается фиксированного членства (участия), то оно может использоваться в классификации юридических лиц по этому признаку, однако не должно отождествляться с корпоративными правами, поскольку сам по себе статус члена (участника) не обязательно влечет за собой наделение участника правом на управление юридическим лицом²⁷.

²⁷ Например, вкладчики в коммандитном товариществе, являясь его участниками, не обладают правом на управление юридическим лицом (п. 2 ст. 84 ГК). Граждане, объединившиеся в религиозную организацию и, по существу, являющиеся ее членами (п. 1 ст. 123.26 ГК), в большинстве своем не обладают какими-либо корпоративными (управленческими или имущественными) правами в отношении этой организации.

Ошибка законодателя не в том, что он ввел деление юридических лиц на корпоративные и унитарные, а в том, что придал этому делению жесткий характер, определив, какие именно организационно-правовые формы юридических лиц относятся к корпоративным, а какие — к унитарным, игнорируя переходные формы и трудности такого разграничения на практике. Здесь также следует применять функциональный подход, о котором говорилось выше применительно к их делению на коммерческие и некоммерческие. Поэтому вместо разграничения всех организационно-правовых форм юридических лиц на «корпоративные» и «унитарные» следовало бы формулировать в законе лишь признаки и общие положения о корпоративных и унитарных организациях, которые применялись бы к юридическим лицам любых организационно-правовых форм, фактически имеющим корпоративное или унитарное устройство.

Тем самым, признание юридического лица (а не организационно-правовой формы!) корпоративным или унитарным должно иметь фактический характер и, в зависимости от наличия или отсутствия множественности лиц на стороне субъекта права управления им, — влечь за собой применение к тем или иным организациям общих норм о корпоративных или унитарных юридических лицах.

Это, впрочем, не исключает возможности применительно к отдельным организационно-правовым формам юридических лиц при необходимости устанавливать обязательные требования к их количественному составу (чтобы юридическое лицо состояло лишь из одного, либо же — из минимального (максимального) количества нескольких участников (учредителей)). Однако наличие таких требований само по себе не должно являться причиной жесткого деления организационно-правовых форм на унитарные или корпоративные.

6. Деление юридических лиц по организационно-правовым формам

Традиционно для большинства правопорядков юридические лица могут создаваться в строго определенных законом организационно-правовых формах, перечень который является закрытым (*numerus clausus* (лат.)). В действующем законодательстве понятие организационно-правовой формы юридического лица не определено. В Концепции развития гражданского законодательства указывалось, что организационно-правовые формы следует оптимизировать в зависимости от реальных гражданско-правовых особенностей их внутреннего устройства²⁸. Однако что представляют собой

²⁸ П. 7.1.4 раздела III Концепции.

эти «реальные особенности» определено не было. При этом главными проблемами в регулировании организационно-правовых форм юридических лиц являются не только их понятие и существенные признаки, но и принципиальное определение того, насколько нужно делить юридические лица по организационно-правовым формам с закреплением в законе их существенных признаков по принципу *numerus clausus*, и не следует ли оставить участникам гражданского оборота полную свободу в конструировании особенностей тех или иных юридических лиц.

Следует подчеркнуть, что подходы к необходимости деления юридических лиц по организационно-правовым формам зависят как от концептуальных взглядов на императивность/диспозитивность правового регулирования корпоративных отношений, так и от применяемой теории юридического лица (теория фикции, теория социальной реальности, договорная теория) [Козлова Н.В., 2003: 107–200], а также — от политико-правовых и сугубо практических соображений.

Против деления юридических лиц на организационно-правовые формы существуют серьезные догматические, политико-правовые и практические возражения, основанные на идее расширения диспозитивности регулирования корпоративных отношений, теории реальности, договорной теории, конституционно значимых ценностях (в частности, свободы объединений и свободы экономической деятельности), практическое удобство для участников гражданского оборота.

В то же время не менее существенные догматические, политико-правовые и практические основания имеет под собой необходимость сохранения деления юридических лиц по организационно-правовым формам по принципу *numerus clausus*. Такое деление основывается на преимущественно императивном методе регулирования корпоративных отношений, теории фикции юридического лица как искусственно созданного правопорядком правосубъектного образования, которое не может существовать вне предусмотренных законом правовых форм. Также большое значение имеет принцип правовой определенности и практические соображения.

Если рассматривать юридическое лицо как фикцию, искусственно созданную правопорядком, то организационно-правовая форма юридического лица подлежит тщательной регламентации законодателем: не может быть никаких организационно-правовых форм, прямо (*expressis verbis*) не предусмотренных законом. Если придерживаться органической теории, или теории социальной реальности, согласно которым юридическое лицо представляет собой объективно и независимо от права существующий социальный организм, то праву остается не конструировать организационно-правовые формы, а лишь признавать фактически сложившееся положение вещей.

Правосубъектными тогда будут любые образования, фактически созданные участниками гражданского оборота и обладающие основными признаками юридического лица (имущественная обособленность и самостоятельная имущественная ответственность, организационное единство, выступление в обороте от своего имени, процессуальная правоспособность (ст. 48, 56 ГК) [Братусь С.Н., 1947: 140]; [Козлова Н.В., Филиппова С.Ю., 2017: 141–142]. В таком случае за общими признаками юридического лица бессмысленно искать особенности организационно-правовой формы. Признаки юридического лица, как писал А.В. Венедиктов, самым различным образом проявляются у различных юридических лиц [Венедиктов А.В., 1940: 72–77].

С точки зрения теории реальности само понятие организационно-правовой формы становится либо излишним, либо распадается на бесчисленное количество вариантов, свободно создаваемых по усмотрению экономических субъектов. В результате в обороте будут действовать не только чистокровные «волшебники» и «маглы» в виде классических организационно-правовых форм (товариществ, акционерных обществ и т.д.), но и многочисленные переходные формы, юридические лица — «полукровки»²⁹. Вполне можно обосновать, что запрет на создание таких переходных форм и «юридических лиц-полукровок» противоречит идее свободы и будет являться такой же дискриминацией, каковой является дискриминация граждан по признаку расы, национальности или половой принадлежности. Так, Конституция Российской Федерации в п. 1 ст. 30 провозглашает, что каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Данное конституционное положение в совокупности с правом на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (п. 1 ст. 34 Конституции) вполне может трактоваться как неотъемлемое и непосредственно действующее (ст. 18 Конституции) конституционное право создавать любые юридические лица как предусмотренные, так и не предусмотренные законом.

В принципе для легализации юридического лица необходимо лишь соблюдение основных его признаков, и прежде всего — чтобы у компании была достаточная капитализация или обособленное имущество в необходимом для целей деятельности размере. Речь идет о фактическом собственном капитале, а не о минимальном уставном капитале, определенном законом. Это гарантирует интересы кредиторов и жизнеспособность компании. Не зря в странах англо-американского права именно недостаточная капита-

²⁹ В книгах Дж. Роулинг о Гарри Поттере все персонажи делятся на волшебников, маглов (обычных индивидуумов, не обладающих магическими способностями), и полукровок — детей волшебников и людей.

лизация для ведения бизнеса при создании компании считается серьезным преступлением, влекущим уголовную ответственность. Что касается иных формальностей при создании юридического лица, то на них часто закрывают глаза, в результате чего могут возникать разнообразные юридические лица де-факто, признаваемые правом порядком в силу самого своего создания [Мозолин В.П., 1966: 61–65]; [Флейшиц Е.А., 2015: 603–605]; [Козлова Н.В., 2003: 21–23]. Следствием такого подхода является по сути отрицание роли и значения организационно-правовых форм и присущих им особенностей правового режима, которое можно встретить в литературе. Так, А.И. Шайдуллин, пишет, что «мы не склонны почитать организационно-правовые формы как священные сущности («вещи в себе»), из которых следуют какие-то заранее заданные ответы» [Шайдуллин А.И., 2021: 335].

Элементы теории реальности в современных правом порядках выражаются не только в признании юридических лиц де-факто, но и создании «предварительных» юридических лиц, обладающих отдельными элементами правосубъектности еще до их государственной регистрации, например, так называемые «предварительные общества» в немецком праве (*die Vorgesellschaft*) [Козлова Н.В., 2003: 38–39]; [Егоров А.В., 2015: 9]. Также развитым правом порядкам давно известно создание так называемых «усеченных» или «относительных» юридических лиц, не обладающих обособленным имуществом и имеющих лишь некоторые признаки юридического лица [Кулагин М.И., 1997: 46–47].

В последнее время в отношении особенно коммерческих юридических лиц популярной является договорная теория юридического лица [Степанов Д.И., 2009: 4–62]; [Чупрунов И.С., 2020: 25–68]. В основе ее — тезис о том, что любое юридическое лицо — это прежде всего договор (и устав — тоже договор), совокупность контрактов (*nexus of contracts*), поэтому в силу принципа свободы договора можно конструировать любые внутренние отношения в юридическом лице. Поэтому все, что связано с организационно-правовой формой, закрытым перечнем и т.д. в этой логике противоречит договорной природе юридического лица и неоправданно сковывает гражданский оборот и свободу участников экономических отношений.

Конечно, автономию воли и договорную свободу можно возвести в абсолют и не требовать никаких ограничений при конструировании моделей управления юридическим лицом. Однако это может сделать непредсказуемыми последствия выступления юридического лица в гражданском обороте для участников, кредиторов, работников, потребителей и т.д. Кроме того, при гипертрофированном крене в сторону договорной теории исчезает основной смысл конструкции юридического лица: правосубъектность и самостоятельные интересы юридического лица «растворяются» и полностью

отождествляются с интересами участников, а положения устава становится невозможным изменить без их единогласного решения, когда воля каждого по существу будет отождествляться с волей юридического лица. Принцип большинства, присущий всем корпорациям, оказывается ненужным, а управление юридическим лицом — практически невозможным.

Следует признать, что любые теории юридического лица сами по себе в политико-правовом плане не имеют существенного значения для конструирования тех или иных правовых моделей. Эти теории лишь используются законодателем в зависимости от того, что на текущий момент времени в большей степени отвечает утилитарным задачам в практической ситуации [Мамагеишвили В.З., 2021: 36–73]. Поэтому при выборе той или иной модели, прежде всего, возникают соображения экономико-правового и практического характера и на первый план выступает логика экономического анализа права [Карапетов А.Г., 2016]; [Синицын С.А., 2021: 4–36]; [Степанов Д.И., 2016: 104–167]. При свободном и неограниченном количестве «фактических» организационно-правовых форм возникают трудности их изучения, существенные транзакционные издержки участников оборота и трудно прогнозируемые правовые риски. Это тот случай, когда свобода договора, механически транслируемая в область корпоративного права, будет способна нанести существенный вред обороту. Право должно заботиться о защите интересов всех стейкхолдеров, выгодоприобретателей и дестинаторов юридического лица, а не только участников, управляющих или кредиторов, состоящих с ним в договорных отношениях.

Исходя из этих соображений, правильным оказывается подход, когда в законодательстве исчерпывающим образом определены набор и существенные гражданско-правовые признаки конкретных организационно-правовых форм юридических лиц, которые должны быть обусловлены преимущественно практическими потребностями для гражданского оборота и удобством для его участников. При этом определение в законодательстве самого понятия организационно-правовой формы вряд ли целесообразно, поскольку это может безосновательно ограничить возможности по конструированию реально нужных обороту юридических лиц. В то же время на доктринальном уровне определить такое понятие было бы полезно.

Отсутствие этого понятия позволяет конструировать новые организационно-правовые формы юридических лиц совершенно произвольно без оглядки на какие-либо научно обоснованные критерии. Обычно в качестве самой весомой причины закрепления в ГК какой-нибудь отдельной организационно-правовой формы разработчики законов называют социальную значимость их деятельности или избыточные ограничения, которые присущи известным организационно-правовым формам и от которых нужно ос-

вободиться непременно конструированием нового вида юридического лица. При этом часто оказывается, что недостатки можно устранить путем корректировки уже существующих моделей юридических лиц, а объективных и существенных гражданско-правовых признаков, отличающих новые формы от уже известных законодательству, либо вовсе не существует, либо эти признаки противоречат признакам юридического лица и здравому смыслу. Примером подобного нормотворчества является попытка выделить в качестве отдельной организационно-правовой формы некоммерческой организации территориальное общественное самоуправление³⁰, которое конструируется разработчиками как корпоративная организация, по существу, не имеющая фиксированного членства, без обязанности членов наделять корпорацию имуществом, обладающую к тому же публично-правовыми полномочиями по вопросам местного значения.

В доктрине и в некоторых подзаконных актах имеются попытки дать общее определение организационно-правовой формы юридического лица. Так, согласно Общероссийскому классификатору организационно-правовых форм ОКО28-2012³¹ под организационно-правовой формой понимается способ закрепления (формирования) и использования организацией имущества, и вытекающие из этого ее правовое положение и цели предпринимательской деятельности.

По мнению В.А. Белова, организационно-правовая форма «определяет особый правовой режим (а) организации деятельности юридического лица (т.е. соотношения прав юридического лица и его участников на имущество, обособленное за юридическим лицом, и порядка управления этим имуществом, (б) извлечения и распределения прибыли и (в) распределения убытков между участниками данной деятельности, осуществляемой за счет всего или части принадлежащего им имущества» [Белов В.А., Пестерева Е.В., 2002: 3–4]. Н.В. Козлова характеризует организационно-правовую форму как «вид юридического лица, который отличается от другого вида способом создания, объемом правоспособности, порядком управления, характером и содержанием прав и обязанностей учредителей (участников) в отношении друг друга и юридического лица» [Козлова Н.В., 2003: 259].

³⁰ Проект федерального закона № 983322-7 «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части установления особенностей регулирования деятельности территориального общественного самоуправления как некоммерческой организации». Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/983322-7> (дата обращения: 20.01.2021)

³¹ Утв. приказом Росстандарта (Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии) от 16.10.2012 № 505-ст, введен в действие с 01.01.2013 и актуализирован с правом применения к правоотношениям, возникшим после 01.09.2014 в связи с вступлением в силу новой редакции главы 4 ГК (См.: приказ Росстандарта от 12.12.2014 № 2011-ст).

На наш взгляд, организационно-правовая форма — это имеющий собственное наименование и предусмотренный Гражданским кодексом уникальный набор существенных гражданско-правовых признаков, которые характеризуют внутреннее имущественное и организационное устройство юридического лица.

Под организационно-правовой формой следует понимать типовую модификацию всего комплекса отношений, возникающих в процессе создания, деятельности, реорганизации и ликвидации (в том числе банкротстве) юридического лица, связанных с управлением юридическим лицом, включая вопросы состава и компетенции органов управления, вида и объема корпоративных прав (правомочий) учредителей (участников), формированием его имущества, обеспечением интересов кредиторов, ответственностью участников (учредителей) и самого юридического лица по обязательствам перед кредиторами, участием (членством) в юридическом лице, распределением имущества (доходов) и расходов (убытков). В силу того, что юридическое лицо является гражданско-правовой категорией, предназначенной для выступления в гражданском обороте обособленного имущества, по большому счету под организационно-правовой формой юридического лица можно считать ту или иную модификацию гражданско-правовых отношений по организации управления юридическим лицом и его имуществом.

Основные параметры и набор конститутивных признаков организационно-правовых форм юридических лиц, характеризующих их качественное отличие, требуют серьезной научной разработки. Можно предложить примерный перечень этих параметров:

порядок создания юридического лица (включая требования, предъявляемые к количеству и составу учредителей (участников);

имущественная основа деятельности юридического лица (требования к составу и размеру имущества, делимость имущества на доли (паи), наличие и содержание имущественных прав учредителей (участников) (вещные права, иные имущественные права, отсутствие имущественных прав), порядок их осуществления;

порядок распределения результатов деятельности (возможность и принципы распределения прибыли (доходов), продукции, предоставления услуг своим участникам (учредителям), а также расходов (убытков) пропорционально размеру вкладов (долей), личному трудовому участию или иным образом);

организационная основа деятельности (имеются ли и кому принадлежат управленческие права (участникам (членам), учредителям или третьим лицам), содержание управленческих прав, порядок их осуществления (в том числе принципы голосования (голосуют лица или капитал), наличие и состав органов управления и их основная компетенция, или осуществление управленческих прав непосредственно самими участниками (учредителями);

наличие фиксированного членства (участия), возможность смены состава участников (учредителей), порядок принятия в состав участников и выхода из него, имущественные последствия выхода;

оборотоспособность управленческих и (или) имущественных прав (или прав участия), возможность и порядок их перехода, уступки (отчуждения) другим участникам (учредителям) и третьим лицам, возможность выпуска ценных бумаг (акций), удостоверяющих права участия;

наличие и размер ответственности участников (членов, учредителей) по обязательствам юридического лица;

порядок ликвидации юридического лица, в том числе возможность ликвидации в результате банкротства (несостоятельности).

Конструировать разные модели организационно-правовых форм следует исходя из сочетания конкретных гражданско-правовых признаков, характеризующих то или иное юридическое лицо по указанным выше основным параметрам. При этом необходимо руководствоваться сугубо практическими соображениями, которые оправдывают наличие той или иной организационно-правовой формы исходя из потребностей участников гражданского оборота.

У организационно-правовых форм юридических лиц могут быть как общие существенные признаки, характеризующие юридическое лицо по тем или иным параметрам, так и индивидуальные, или конститутивные признаки, присущие лишь конкретной организационно-правовой форме, отличающей ее от других организационно-правовых форм. Например, много общих признаков имеется у акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, у полных и коммандитных товариществ. Однако конститутивным признаком для акционерных обществ, отличающим их от обществ с ограниченной ответственностью, выступает деление уставного капитала на акции — эмиссионные ценные бумаги, выражающие корпоративные права участников (акционеров) и обращающиеся на рынке. Конститутивным признаком для коммандитных товариществ, отличающим их от полных товариществ, является наличие особой группы участников — вкладчиков (коммандитистов), которые не управляют товариществом и не несут субсидиарной ответственности по его обязательствам, рискуя лишь вкладом, внесенным в складочный капитал. Для хозяйственных партнерств конститутивным признаком является возможность участвовать в управлении партнерством не только его участникам, но и третьим лицам, не являющимся участниками и заключившим соглашение об управлении партнерством.

К сожалению, состав и содержание конститутивных признаков различных организационно-правовых форм юридических лиц не имеют под собой ни нормативного, ни серьезного научного обоснования. Более того, эти

признаки даже не всегда имеют гражданско-правовой характер или вообще касаются не корпоративного устройства юридического лица, а могут быть связаны с видом осуществляемой юридическим лицом деятельности, хотя это не соответствует принципу, заложенному в п. 6 ст. 50 ГК³². Следует согласиться с авторами, считающими, что следует проводить четкое разграничение между организационно-правовой формой юридического лица и спецификой регулирования тех или иных видов деятельности, в которой никакие льготы, преференции или, наоборот, ограничения (включая ограничения правоспособности) не могут быть положены в основу выделения отдельной организационно-правовой формы юридического лица [Филиппова С.Ю., Шиткина И.С., 2019].

К сожалению, в нормах закона это не учитывается и конструируются совершенно нелепые организационно-правовые формы, которые не обладают уникальными гражданско-правовыми признаками. В результате множество организационно-правовых форм либо вовсе не обладают особыми конститутивными признаками, либо соответствующие признаки носят второстепенный характер и не должны создавать для юридического лица нового правового качества, отличающего его от других организационно-правовых форм. Так, например, отличительными признаками крестьянского (фермерского) хозяйства, по сути, являются деятельность в сфере сельского хозяйства, а также особый порядок обращения взыскания на земельный участок, находящийся в собственности хозяйства (ст. 86.1 ГК)³³, которые не обладают качеством конститутивных в гражданско-правовом корпоративном (внутриорганизационном) смысле. По наиболее существенным признакам крестьянское хозяйство ничем не отличается от производственного (сельскохозяйственного) кооператива, к каковому оно и должно было бы относиться. Не обладают, на наш взгляд, достаточными признаками для выделения в отдельную организационно-правовую форму общественные движения, казачьи общества, общины коренных малочисленных народов (по существу являющиеся разновидностями общественных организаций); сами общественные организации (являющиеся разновидностями ассоциаций (союзов) с участием граждан); адвокатские палаты и адвокатские образования, являющиеся юридическими лицами, нотариальные палаты (по существу являющиеся разновидностью ассоциаций (союзов)); государственные корпорации

³² Где указано, что к отношениям по осуществлению некоммерческой организацией своей основной деятельности, а также к иным отношениям с их участием, не относящимся к предмету гражданского законодательства (ст. 2), правила ГК по общему правилу не применяются.

³³ Такой участок подлежит продаже с публичных торгов в пользу лица, которое в соответствии с законом вправе продолжать использование земельного участка по целевому назначению.

и государственная компания (которые должны быть отнесены к публично-правовым компаниям); религиозные организации (ошибочно отнесенные ГК к унитарным некоммерческим организациям, а по существу представляющие собой разновидность ассоциации (союза))³⁴.

Существуют также некоторые организации, не «вписывающиеся» в систему существующих организационно-правовых форм, например — общественно-государственные и государственно-общественные объединения, обладающие индивидуальным статусом, осуществляющие свою деятельность под пристальным контролем государства и наделяемые отдельными публичными и общественными функциями. Согласно ст. 51 Закона об общественных объединениях³⁵ их деятельность должна регулироваться специальными законами, а в отсутствие таковых — нормативными актами органов государственной власти³⁶.

Исходя из этого, в политико-правовом плане в отечественном правопорядке отдельными организационно-правовыми формами юридических лиц, обладающими особыми конститутивными признаками, должны являться: во-первых, коммерческие организации³⁷: хозяйственные товарищества, хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия; во-вторых, некоммерческие организации: потребительские кооперативы, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости, фонды, учреждения, публично-правовые компании, автономные некоммерческие организации.

Вызывает сомнение включение в число существенных признаков, конструирующих организационно-правовую форму, наличие или отсутствие государства или иного публично-правового образования в числе учредителей (участников) юридических лиц. В частности, по такому признаку построена вся система так называемых «государственных юридических лиц» (государственные и муниципальные предприятия, государственные и муниципальные бюджетные и автономные учреждения). Исходя из того, что государство на равных началах с иными субъектами гражданского права участвует

³⁴ Следует отметить, что Концепция развития гражданского законодательства религиозные организации однозначно рассматривала в качестве корпораций.

³⁵ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

³⁶ См.: , например: Постановление Правительства РФ от 28.11.2009 № 973 «Об Общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» //СЗ РФ. 2009. № 49 (ч. 2). Ст. 5969.

³⁷ Деление организационно-правовых форм юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, как указывалось выше, должно производиться в зависимости от наличия права организации распределять прибыль (доходы) в пользу своих участников (учредителей).

в гражданских правоотношениях, само конструирование особых организационно-правовых форм специально для публично-правовых образований вызывает возражения. Если мы принципиально допускаем существование унитарных юридических лиц, основанных на вещных правах учредителей на их имущество, что вызывает большие сомнения³⁸, то именно это должно быть конститутивным признаком для унитарных юридических лиц, создаваемых любыми участниками гражданского оборота, в том числе должно быть допущено существование не только частных учреждений, но и частных предприятий в рамках общих организационно-правовых форм учреждений и предприятий. Если речь не идет о так называемых «юридических лицах публичного права», обладающих государственно-властными полномочиями [Чиркин В.Е., 2007], то обычные юридические лица частного права должны в гражданско-правовом смысле создаваться государством на равных началах со всеми гражданами и юридическими лицами, и по общему правилу для «государственных» юридических лиц не должно существовать особых организационно-правовых форм.

Что касается «юридических лиц публичного права», то при всей дискуссионности этой правовой категории можно согласиться с проектом Концепции развития законодательства о юридических лицах³⁹, где в п. 1.7 пар. 5 говорилось, что «выделение юридических лиц публичного права не предполагает конструирования новой разновидности юридических лиц — особой организационно-правовой формы. Следует исходить из того, что юридические лица публичного права суть органы публичной власти, предназначенные осуществлять властные функции». О невозможности существования юридических лиц публичного права как гражданско-правовой категории давно говорилось в доктрине [Братусь С.Н., 1947: 62].

Заключение

Под организационно-правовой формой юридического лица следует понимать имеющий собственное наименование и предусмотренный законом уникальный набор признаков, которые характеризуют ту или иную модификацию гражданско-правовых отношений по организации управления юридическим лицом и его имуществом.

³⁸ Поскольку право собственности государства на имущество создаваемых им юридических лиц в функциональном плане по своему содержанию по сути представляет собой полный эквивалент корпоративных (управленческих) прав государства в отношении этих юридических лиц, и должно быть в перспективе ими заменено.

³⁹ Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 9–73.

Вместо разграничения всех организационно-правовых форм юридических лиц на «корпоративные» и «унитарные», осуществляющие предпринимательскую (приносящую доход) деятельность или нет, в Гражданском кодексе должны оставаться лишь общие положения о корпоративных и унитарных организациях, а также об организациях, осуществляющих или не осуществляющих предпринимательскую деятельность, которые применялись бы к юридическим лицам в зависимости от фактического наличия указанных признаков. При этом целесообразно сохранить деление организационно-правовых форм на коммерческие или некоммерческие по признаку наличия или отсутствия права организации распределять полученную прибыль (доходы) в пользу участников (учредителей).

Набор конститутивных признаков юридического лица, характеризующих качественное отличие одних организационно-правовых форм юридических лиц от других, нуждается в отдельном обосновании и составляет одну из важнейших теоретических и практических задач, стоящих перед наукой гражданского права.

Перечень предусмотренных Гражданским кодексом организационно-правовых форм юридических лиц должен быть обусловлен исключительно гражданско-правовым внутриорганизационным характером их существенных признаков, а также — практическими потребностями участников гражданского оборота. Ни сфера осуществляемой юридическим лицом деятельности, ни объем его правоспособности по общему правилу не должны составлять конститутивные признаки организационно-правовой формы.

Конструировать различные модели организационно-правовых форм следует исходя из сочетания конкретных гражданско-правовых признаков, характеризующих то или иное юридическое лицо с точки зрения его внутреннего устройства.

Количество предусмотренных Гражданским кодексом организационно-правовых форм юридических лиц следует оптимизировать в соответствии с реальными потребностями оборота и гражданско-правовыми конститутивными признаками тех или иных видов юридических лиц.

Безусловно, это количество нужно сокращать, когда отдельная организационно-правовая форма не обладает достаточными признаками, отличающими ее от близких по своей сути других организационно-правовых форм. Наоборот, когда имеющиеся организационно-правовые формы недостаточно обеспечивают объективные потребности гражданского оборота, их перечень необходимо расширять.

В законодательстве должно сохраняться деление всех юридических лиц на организационно-правовые формы по принципу *numerus clausus*. Отказ от этого принципа является преждевременным. Полная свобода в регули-

ровании корпоративных отношений чревато большими рисками как для участников, так и для кредиторов. Учет всех особенностей неограниченного количества организационно-правовых форм юридических лиц в законодательстве или в едином государственном реестре юридических лиц, а также их выявление в правоприменительной и судебной практике чревато слишком большими временными и транзакционными издержками как для участников гражданского оборота, так и для государственных органов.

Список источников

1. Аюшеева И.З. К вопросу об организационно-правовых формах некоммерческих организаций // Власть закона. 2016. № 4. С. 67–80.
2. Белов В.А., Пестерева Е.В. Хозяйственные общества. М.: Центр Юринформ, 2002. 333 с.
3. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1947. 364 с.
4. Венедиктов А.В. Государственные юридические лица в СССР // Советское государство и право. 1940. № 10. С. 62–87.
5. Гаджиев Г.А. Легитимация идей «права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // Вестник гражданского права. 2017. Том 17. № 6. С. 108–173.
6. Егоров А.В. Юридическое лицо 2.0. Руководство по эксплуатации (Арбитражная практика для юристов). М.: Акцион, 2015. 119 с.
7. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
8. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. М.: Статут, 2003. 318 с.
9. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 476 с.
10. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Понятие и признаки юридического лица как субъекта гражданского права. Корпоративное право Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2017. С. 139–143.
11. Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо // Кулагин М.И. Избранные труды. М.: Статут, 1997. С. 14–182.
12. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений. М.: Статут, 2020. 146 с.
13. Ломакин Д.В. Эволюция системы юридических лиц в постсоветской России. Предпринимательское право: современный взгляд. М.: Юстицинформ, 2019. 595 с.
14. Мамагеишвили В.З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 3. С. 36–73.
15. Мозолин В.П. Корпорации, монополии и право в США. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 398 с.
16. Рахмилович В.А. О достижениях и просчетах нового Гражданского кодекса Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 4. С. 121–123.

17. Рахмилович В.А. О пробелах и противоречиях Гражданского кодекса // Журнал российского права. 1997. № 12. С. 54–62.
18. Синицын С.А. Корпоративный контроль в российском и зарубежном праве: взаимосвязь права и экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 4–36.
19. Соيفер Т.В. Общие положения о некоммерческих организациях / Юридические лица в российском гражданском праве. Т. 2. Виды юридических лиц в российском законодательстве / отв. ред. А.В. Габов. М.: Инфра-М, 2015. С. 163–185.
20. Степанов Д.И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7. С. 31–55.
21. Степанов Д.И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 4–62.
22. Степанов Д.И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 104–167.
23. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. 298 с.
24. Суханов Е.А. О Концепции развития законодательства о юридических лицах // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 5–12.
25. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
26. Тарасенко Ю.А. О развитии коммерческих организационно-правовых форм в России (на примере хозяйственных товариществ и обществ) // Корпорации и учреждения: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 27–46.
27. Филиппова С.Ю., Шиткина И.С. Организационно-правовые формы коммерческих юридических лиц: проблемы текущего состояния и пути совершенствования российского законодательства / Предпринимательское право: современный взгляд / СПС Консультант Плюс.
28. Флейшиц Е.А. Буржуазное гражданское право на службе монополистического капитала / Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2015. С. 575–632.
29. Хабриева Т.Я. Современные подходы к классификации юридических лиц // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 5–16.
30. Чупрунов И.С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве: комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 N 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 25–68.
31. Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. М.: Норма, 2007. 352 с.
32. Шайдуллин А.И. Принудительное исключение акционера из общества: действующее регулирование и его перспективы / Российский акционерный закон: сборник статей / отв. ред. А.А. Кузнецов. М.: Статут, 2021. С. 324–359.

References

1. Ayusheeva I.Z. (2016) On the question of the organizational forms of non-profit organizations. *Vlast'zakona* = Rule of Law, no. 4, pp. 67–80 (in Russ.)
2. Belov V.A., Pestereva E.V. (2002) *Business companies*. Moscow: Tsentr Yurinform, 333 p. (in Russ.)
3. Bratus S.N. (1947) *Legal entities in Soviet civil law (concept, types, state legal entities)*. Moscow: Justice Ministry Press, 364 p. (in Russ.)

4. Chirkin V.E. (2007) *Legal entity of public law*. Moscow: Norma, 352 p. (in Russ.)
5. Chuprunov I.S. (2020) Beginning of “new life” in Russian corporate law: commentary on the Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of 11.06.2020. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* = Herald of Economic Justice, no 8, pp. 25–68 (in Russ.)
6. Egorov A.V. (2015) *Legal entity 2.0. Operation manual (Arbitration practice for lawyers)*. Moscow: Aktion Press, 119 p. (in Russ.)
7. Fleischitz E.A. (2015) Bourgeois civil law at the service of monopoly capital. In: *Selected Works on civil law. Vol. 2*. Moscow: Statut, pp. 575–632 (in Russ.)
8. Gadjiyev G.A. (2017) Legitimation of the ideas of “law and economics” (new cognitive structures for civil law). *Vestnik grazhdanskogo prava* = Journal of Civil Law, vol. 17, no. 6, pp. 108–173 (in Russ.)
9. Karapetov A.G. (2016) *Economic Analysis of Law*. Moscow: Statut, 528 p. (in Russ.)
10. Khabrieva T. Y. (2014) Modern approaches to classification of legal persons. *Zhurnal rossiyskogo prava* = Journal of Russian Law, no.10, pp. 5–16 (in Russ.)
11. Kozlova N.V. (2005) *Legal personality of a legal entity*. Moscow: Statut, 476 p. (in Russ.)
12. Kozlova N.V. (2003) *The concept and essence of a legal entity. An overview of history and theory*. Moscow: Statut, 318 p. (in Russ.)
13. Kozlova N.V., Philippova S.Y. (2017) *Corporate law: training course*. Moscow: Statut, pp. 139–143 (in Russ.)
14. Kulagin M.I. (1997) State-monopoly Capitalism and Legal Entity. In: *Selected Works*. Moscow: Statut, pp. 14–182 (in Russ.)
15. Lomakin D.V. (2020) *Commercial corporations as subjects of corporate legal relations*. Moscow: Statut, 146 p. (in Russ.)
16. Lomakin D.V. (2019) The evolution of the system of legal entities in post-Soviet Russia. In: *Business law: modern view*. S.A. Karelina (ed.). Moscow: Yustitsinform, 595 p. (in Russ.)
17. Mamageishvili V.Z. (2021) On the importance of legal entity theories in modern corporate law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* = Journal of Economic Justice, no. 3, pp. 36–73 (in Russ.)
18. Mozolin V.P. (1966) *Corporations, Monopolies, and Law in the United States*. Moscow: University Press, 398 p. (in Russ.)
19. Philippova S.Yu., Shitkina I.S. (2019) Organizational forms of commercial entities: current state and ways to improve legislation. SPS Consultant Plus (in Russ.)
20. Rakhmilonich V.A. (1997) On gaps and contradictions of the Civil Code. *Zhurnal rossiyskogo prava* = Journal of Russian Law, no. 12, pp. 54–62 (in Russ.)
21. Rakhmilonich V.A. (1996) Achievements and miscalculations of the new Civil Code. *Gosudarstvo i pravo* = State and Law, no. 4, pp. 121–123 (in Russ.)
22. Shaidullin A.I. (2021) Compulsory expulsion of a shareholder from the company: current regulation and its prospects. In: *Russian shareholder law: a collection of articles*. A.A. Kuznetsov (ed.). Moscow: Statut, pp. 324–359 (in Russ.)
23. Sinitsin S.A. (2021) Corporate control in Russian and foreign law: relations of economy and law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* = Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 1, pp. 4–36 (in Russ.)

24. Soyfer T.V. (2015) General provisions on non-profit organizations. In: Legal Entities in the Russian Civil Law. Vol. 2. Types of legal entities in Russian legislation. A.V. Gabov (ed.). Moscow: Norma, pp. 163–185 (in Russ.)
25. Stepanov D.I. (2009) Charter as a Form of Transaction. *Vestnik grazhdanskogo prava* = Herald of Civil Law, no. 1, pp. 4–62 (in Russ.)
26. Stepanov D.I. (2016) Economic Analysis of Corporate Law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya* = Journal of Economic Justice, no. 9, pp. 104–167 (in Russ.)
27. Stepanov D.I. (2014) New provisions of the Civil Code on legal entities. *Zakon* = Law, no. 7, pp. 31–55 (in Russ.)
28. Sukhanov E.A. (2014) *Comparative corporate law*. Moscow: Statut, 456 p. (in Russ.)
29. Sukhanov E.A. (2010) Concept of legislation on legal entities. *Zhurnal rossiyskogo prava* = Journal of Russian Law, no. 1, pp. 5–12 (in Russ.)
30. Suvorov N.S. (2000) *Legal Entities under Roman Law*. Moscow: Statut, 298 p. (in Russ.)
31. Tarasenko Yu. A. (2007) Development of commercial legal forms in Russia (case of business partnerships and companies). In: Corporations and Institutions: collected articles. M. A. Rozhkova (ed.). Moscow: Statut, pp. 27–46 (in Russ.)
32. Venediktov A.V. (1940) State legal entities in the USSR. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* = Soviet State and Law, no. 10, pp. 62–87 (in Russ.)

Информация об авторе:

О.В. Гутников — главный научный сотрудник, доктор юридических наук.

Information about the author:

O.V. Gutnikov — Chief Researcher, Doctor of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 19.12.2021; одобрена после рецензирования 04.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted to the editorial office 19.12.2021; approved after reviewing 04.04.2022; accepted for publication 22.04.2022.